

Субпраймы ЛЮБВИ

А. Opus

А. Орус

Субпраймы любви

«Автор»

2026

Opus A.

Субпраймы любви / А. Opus — «Автор», 2026

«Точка лагранжа» — хроника любви, которая длилась семь лет и не случилась. Про выбор, цену ответственности и запах на запястье через двадцать лет. «Opus» — история отношений, которые уместились в запах на запястье. Семь лет игр, касаний и недосказанности. И одиннадцать лет тишины, в которой аромат не выветрился.

© Opus A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Точка Лагранжа. Встреча	5
Банкирша. Пикник у реки	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

А. Опус Субпраймы любви

Точка Лагранжа. Встреча

*“я звал ее банкирша, словно предвосхищая ее будущее, а тогда ей было 24, девчонка из контакт центра солидного банка. Но все это я узнал позже”
апрель 2007*

Я шёл к твоему банку с таким чувством, будто иду не просто на встречу, а на экзамен. В ICQ у нас всё получалось легко: подколки, твои смайлики, твои неожиданные фразы вроде «ну а чего можно было ждать от жеребца?» или «пуританка, которая пугается собственных желаний». Они звучали игриво, почти дерзко. Но в реальности — я не знал, кто выйдет ко мне: та самая Наташечка или совсем другой человек, человек с деловой маской вместо лица.

В холле меня встретила статуя — античная, обнажённая, холодная. Символ банка. Я смотрел на неё и представлял, что вот сейчас ты появишься рядом, и этот контраст будет невыносимым.

Ты вышла. Среднего роста, лёгкая походка, чуть напряжённые плечи, будто сама не до конца веришь, что решилась на встречу. Волосы падают прядями, и ты машинально поправляешь их, когда смотришь в сторону. Красная водолазка и джинсы — просто одежда, но ткань подчёркивала линии фигуры, и я поймал себя на том, что это сильнее действует, чем если бы ты специально старалась. В твоём теле была лёгкость, естественность, уверенность, которая прорывалась даже через смущение.

Я сказал: ты похожа на статую. Только живая. Тёплая. Настоящая.

Ты покраснела, отвела глаза. На губах промелькнула улыбка, та самая, из-за которой строки в ICQ казались двусмысленнее, чем они были. Ты махнула рукой — жестом неуверенным и грациозным одновременно. В нём было и «оставь», и «останься».

Мы говорили о пустяках: работа, дела, пара формальных слов. Но я слышал в паузах другое — будто между каждым словом стояло то самое напряжение, что накапливалось месяцами в наших переписках.

Когда ты ушла, я остался в холле ещё на минуту. Смотрел на статую и понимал: она холодная, неподвижная, а ты — её обратное отражение. Живая, чуть смущённая, и от этого ещё более настоящая.

Я вышел на улицу с мыслью, что ничего не произошло. Но на самом деле произошло всё.

Банкирша. Аська. Побег в интересную жизнь

18 марта 2007

— С Днём святого Патрика!

Мы только что из «Старого Дублина».

Город в зелёном, даже троллейбусы улыбаются.

— А кто «мы»?

— И что за день такой? Я только зелёных человечков знаю :)

— Мы — это я и жена. Решили почувствовать себя ирландцами.

— А праздник — просто повод быть чуть веселее, чем обычно.

— То есть пить и танцевать?

— То есть не бояться.

Он пишет про Святого Патрика —

про змей, изгнанных не из земли, а из людей,
про лепреконов, которые прячут золото под радугой,
про то, что легенды нужны, когда скучно быть правильным.
— Вы всё время как из книжки, — появляется через минуту.
— Просто книги честнее новостей.
Потом — Артур.
Круглый стол.
Верность, Ланселот и Гвиневра.
Не как в сказке, а как в жизни —
всё правильно, но не туда.
Долгая пауза.
Потом смайлик —
подмигивающий, неловкий.
Через пару дней он пишет про «Клуб-Диван».
Мягкий свет, кресла, джаз.
— Это где танцы без одежды?
— Это где танцуют без фальши.
— Вы часто туда ходите?
— Иногда. Когда нужно вспомнить, что в мире ещё есть музыка.
Смайлик — с языком.
Потом «:-)».
И снова тишина.
Та, где слышно, как кто-то думает перед тем, как нажать Enter.
Позже — про виски.
Дым, янтарь, терпкость.
— У шотландцев есть пословица: будьте осторожны, приучая женщину к виски потом всю жизнь будете работать на её страсть.
— Это угроза или комплимент?
— Скорее просьба о пощаде.
— Поздно :)
Две минуты ничего.
Потом коротко: «Интересная пословица»
Вечерами они пишут без повода.
Она — из кухни, с ноутбуком на коленях.
Он — из офиса, где давно темно.
— Муж снова на работе. Я с сериалом. Скучно.
— Тогда выключайте сериал. Я расскажу историю.
— Давайте. Только с хеппи-эндом :)
Он отвечает: про меч в камне,
про то, что сила — это просто решиться вытащить.
Курсор мигает.
Она пишет:
— А если меч не вытаскивается?
— Значит, ждёт своего человека.
Пауза.
Потом — маленькое чёрное сердечко.
Поздно ночью:
— Знаете, а ведь интересно как Вы выглядите в реальности.
— Опасный интерес.

— Завтра в обед. Зайдите ко мне в банк. Я буду в красной водолазке.

Курсор мигает долго.

Он перечитывает экран,

словно в этих буквах спрятано дыхание.

Так всё началось.

С зелёного паба,

лепреконов, виски и смайликов.

Он не соблазнял.

Просто показал, что за окном бывает другая жизнь.

А она — решила шагнуть.

(лишь много позже из наших переписок я узнал, что они с мужем из рабочего уральского городка, вместе еще со школы, друзья, влюбленные, пара. Они вместе росли и вместе выросли, но изменились и стали разными. Его все время нет дома, он работает строя их будущее, жертвуя настоящим).

Банкирша. Высотка

май 2007

Это было в конце мая. Я пишу ей в ICQ: «Сюрприз. Вы уже были на Антее?» — Она: «Нет». — Я: «Тогда сегодня пойдем».

Наверху — солнце, воздух и ветер. Вы ёжитесь. Тонкий топ, открытые плечи. Я снимаю свою джинсовую куртку, накидываю вам на плечи. Молча. Вы принимаете с благодарностью — но тоже молча.

Мы у перил. Город внизу мерцает сквозь начинающуюся зелень, словно что-то живое. Ограждение острое, высота настоящая.

Вы оборачиваетесь вполоборота, прислонясь к перилам. Смотрите из-за плеча — долго, с благодарной улыбкой. Я приобнимаю вас. Чувствую, как вы не отстраняетесь. Целую.

Порыв ветра — и я в ваших волосах. И больше ничего не нужно объяснять.

Дальше — спуск. Лифт. Молчание, в котором всё сказано. И дождь, который ждет нас внизу — терпеливо, как будто знает.

Банкирша. Дождь

Екатеринбург. Июнь 2007

Морось, как пыль, висела в воздухе — серый свет, мокрый асфальт, стекло, где отражался банк на Пролетарской.

Я стоял у обочины и ждал. Не звонил, не писал — просто ждал, хотя мы не договаривались.

Ты появилась почти бегом.

Под зонтом, в той самой красной водолазке, которая светилась под дождём, будто внутри неё горел маленький огонь.

На секунду ты замерла, узнав машину, потом тихо вздохнула — и всё-таки села.

— До дома? — спросил я.

Ты покачала головой:

— Прокатимся.

Только и всё.

Мы поехали в сторону «Динамо».

Щётки работали лениво, стекло мгновенно снова покрывалось влагой, и мир за ним превращался в акварель.

Ты молчала, глядя вперёд.
В отражении бокового зеркала я видел только линию твоего лица и едва заметную дрожь губ.

— Странно, да? — сказала ты. — Дождь, середина дня и всё равно хочется.

Ты произнесла это почти спокойно, но в голосе было что-то хрупкое, как трещина в стекле.

Я свернул подальше от дороги, туда, где старые тополя образовали зелёный купол над аллеей.

Мы остановились.

Машина наполнилась звуком дождя — мягким, ровным, как дыхание.

Ты посмотрела на меня, и в этом взгляде уже не было «нельзя».

Первый поцелуй случился не вдруг — просто расстояние исчезло.

Ты пахла ветром и теплом.

Я почувствовал, как твоя ладонь ложится на мою шею, как пальцы дрожат от сдержанности.

Ты закрыла глаза и чуть прикусила губу, будто боялась выдохнуть громче, чем стук капель по крыше.

Дальше не было времени.

Только близость, такая острая, что казалось — воздух в машине искрится.

Мы не говорили ни слова.

Твои волосы скользнули по моему лицу, запутавшись в дыхании.

Ты притянула меня ближе, будто искала опору, и в тот момент весь город исчез.

Дождь стучал по стеклу, закрывая нас от мира.

Всё остальное свелось к звуку, к свету, к телу, которое вспоминает, что оно живое.

Ты тихо выдохнула, прижалась лбом к моему плечу.

— Нас могут увидеть — шепнула.

Я почувствовал, как ты улыбаешься в этих словах.

Мы сидели так долго, пока воздух не остыл.

Тогда ты отстранилась, поправила волосы, посмотрела в зеркало — не чтобы убедиться, что всё в порядке, а чтобы вернуть себе лицо.

— Мне пора, — сказала ты тихо.

Я кивнул.

Перед тем как выйти, ты задержалась, провела пальцем по стеклу, оставив на нём прозрачную дорожку.

— Знаешь, самое страшное — это когда тебе всё могут купить, а тебе не нужно ничего. Кроме одного. И этого одного купить нельзя.

— Спасибо за обед, — добавила она и улыбнулась.

Потом вышла — дождь сразу укрыл тебя, как занавес.

Я остался.

В машине пахло тобой, кожей и дождём.

И я вдруг понял, что именно это чувство — редкое, хрупкое, невозможное — и есть счастье, которое всегда прячется между «нельзя» и «уже поздно».

Банкирша. Пикник у реки

Июнь 2007

Много лет спустя я спросил Вас:

— Как Вы запомнили ту дату?

Вы ответили без паузы:

— Это был самый длинный день.

И улыбнулись.

Теперь я понимаю: Вы говорили не про солнце. И не про день.

В тот июнь город дышал жаром. Асфальт светился, машины плыли в мареве, воздух был густой, как воск.

Я позвонил Вам и сказал:

— Выйдите. Без повода.

Вы согласились.

Вы вышли в белом платье в горох, с влажными от жары волосами у висков. Сели рядом, улыбнулись:

— Опять к реке?

Я кивнул.

Дорога уходила в зелень. Вы рассказывали что-то о банке, о коллегах, смеялись, играли словами. Я почти не отвечал: всё нужное уже было в Вашем голосе.

У берега было тихо.

Река блестела. Трава пахла июнем.

Вы сняли обувь, прошли босиком к воде, потом вернулись и сели на плед.

— Напомните, зачем нам вообще люди, если есть лето?

— Чтобы потом было кому это вспомнить, — сказал я.

Мы ели роллы, пили воду из бутылки, смеялись. Солнце стояло прямо над нами, тень некуда было поставить.

Потом Вы нашли в багажнике пневматический пистолет.

— Всё ещё учите стрелять?

— Попробуйте.

Я подошёл сзади, накрыл Вашу руку ладонью.

— Боком. Руку вперёд. Вот так.

Чтобы поставить Вас правильно, я чуть повернул Ваш корпус. Ткань платья была тёплой, кожа — горячей.

Вы выстрелили. Банка дрогнула и упала в траву.

Вы засмеялись.

Через минуту сказали, что хотите пить, и пошли к машине. Я остался на траве, слушая, как хлопнула дверца.

— Не нашла воду! — позвали Вы.

Когда я подошёл, Вы стояли боком, опершись коленом о сиденье. Плечи освещены солнцем, волосы спутаны ветром.

Вы посмотрели на меня через плечо:

— Где она у Вас?

Ответа не понадобилось.

В какой-то момент Ваша ладонь скользнула по запотевшему стеклу, оставив прозрачный след. Мы оба засмеялись — слишком уж это было похоже на кино.

Только кино никогда не знает, что будет потом.

Позже мы сидели на пледе. Вы ели остатки роллов, смеялись над мелочами и говорили, что солнце сегодня слишком щедрое.

Когда оно стало мягче, Вы сказали:

— Поехали?

— Сейчас. Ещё чуть-чуть.

В дороге Вы сняли обувь и положили ноги на приборную панель. Платье чуть задиралось, и я ловил себя на том, что смотрю уже не с желанием, а с нежностью — как смотрят на свет в комнате перед тем, как его выключить.

У дома Вы повернулись ко мне:

— Спасибо за день.

Пауза.

— И за то, что не усложняете.

Вы вышли. Тишина стала плотнее.

На стекле остался тонкий след ладони — прозрачный, как память об этом дне.

Теперь, когда наступает июнь и день тянется бесконечно, я вспоминаю реку, жару, белое платье, смех и то, как Вы сказали:

самый длинный день.

И правда: длиннее у нас не было.

Банкирша. Поездка за вином

Июль 2007

Ночь дышала июлем — влажная, тяжёлая, как мокрая простыня. В салоне работал кондиционер, но я всё равно чувствовал, как рубашка липнет к спине. Ты сидела, подобрав под себя ногу, и крутила кольцо на пальце — всегда так делаешь, когда нервничаешь.

«Зачем нам в магазин в полночь?» — спросила ты, и я услышал в твоём голосе улыбку.

«Чтобы был повод не прощаться».

Ты фыркнула, но ничего не ответила. Только отвернулась к окну, и я увидел в боковом стекле, в отражении, как ты улыбаешься.

Город засыпал лениво. На светофорах мы стояли одни — красный свет заливал капот, отражался в лужах от вечернего дождя. Радио шептало что-то про завтрашнюю жару, но я выключил звук. Хотелось слышать только твоё дыхание да шорох шин по мокрому асфальту.

Фары встречных машин скользили по салону — вспышка, и я вижу твою щёку, родинку у виска, прядь волос, прилипшую к шее. Вспышка — и снова темнота. Ты пахла персиками и чем-то ещё — может, ваниль, может, просто лето. Этот запах заполнял всё пространство машины, оседал на обивке, на моей коже.

В «Метро» было пусто и прохладно. Наши шаги гулко отдавались под высокими потолками. Музыка из динамиков — кажется, de-phazz, что-то инструментальное. Холодильники гудели басовито, как улей.

«Смотри, — я взял бутылку с полки, — Casillero del Diablo. Чилийское. У них там, в долине Майпо, идеальный терруар — днём жарко, ночью холодно. Виноград страдает ровно столько, сколько нужно для хорошего вина».

«Ты всегда так говоришь о вине, — ты наклонила голову, разглядывая этикетку, — как будто это живое».

«А разве нет?»

Ты засмеялась — не громко, скорее выдохнула смех. От этого звука у меня что-то сжалось под рёбрами, стало трудно дышать нормально.

В сырном отделе я выбрал камамбер — круглый, в белой коробочке. Надавил пальцем на центр — мягкий, готовый.

«Тебе понравится, — сказал я. — Сливочный, с лёгкой горчинкой».

«Наверное», — ты пожалала плечами, но я видел, как ты облизнула губы.

На выходе автоматические двери разъехались с механическим вздохом. Ночь ударила в лицо — горячая, пахнувшая бензином с заправки через дорогу и цветущей липой из сквера. Воздух был такой густой, что, казалось, его можно резать ножом.

Ты остановилась, запрокинула голову, закрыла глаза. Убрала волосы с лица — движение такое привычное, такое твоё, что у меня перехватило горло. В жёлтом свете фонарей твоя кожа казалась золотой.

«Поехали ещё немного?» — слова вырвались сами.

Ты открыла глаза, посмотрела на меня долго, как будто что-то решала. Потом кивнула.

Чуть отъехали от метро и нас окружила ночь. Кажется, вокруг была одна сплошная темнота. В свете фар мелькали придорожные кусты, глаза какого-то зверька блеснули и исчезли. Я свернул на обочину у какого-то поля — трава шелестела в темноте, как море.

Заглушил мотор. Тишина обрушилась мгновенно — плотная, почти осязаемая. Только металл остывал с лёгким потрескиванием, да где-то далеко лаяла собака.

«Что мы тут делаем?» — ты говорила шёпотом, как будто боялась спугнуть тишину.

«Смотреть».

Я вышел первым. Гравий хрустнул под ногами. Воздух был прохладнее, чем в городе, пах землёй и чем-то зелёным, живым. Сверчки запели свою бесконечную песню.

Ты вышла следом, хлопнула дверью. Звук прокатился эхом и затих.

«Подними голову».

И мы подняли.

Небо обрушилось на нас. Чёрное, бездонное, усыпанное таким количеством звёзд, что дух захватывало. Без городской засветки Млечный Путь тянулся через весь купол — молочная река, текущая в никуда.

«Господи», — выдохнула ты.

Я взял твою руку — пальцы холодные, дрожат чуть-чуть. Повернул тебя немного влево.

«Видишь три ярких звезды? Это Летний Треугольник. Вега — самая яркая, белая такая. Денеб — в хвосте Лебеда. И Альтаир — в Орле. А между ними, видишь эту дымку? Это не облака. Это миллиарды звёзд в руке Лебеда. Мы смотрим прямо в центр нашей Галактики».

Ты молчала. Я чувствовал, как ты дышишь — грудная клетка поднимается и опускается. В темноте я видел только контур твоего профиля, но знал — ты не моргаешь.

«Знаешь, что самое невероятное?» — мой голос стал тише, почти шёпот. Я всё ещё держал твою руку, и она больше не дрожала. — «Каждый атом в твоём теле, кроме водорода, был создан внутри звезды. Углерод, кислород, железо в твоей крови — всё это выплавлялось в термоядерных печах при температуре в миллионы градусов. А потом эти звёзды взрывались, разбрасывая свои внутренности по космосу. И из этой пыли, через миллиарды лет, собрались мы. Твои ресницы, твои волосы, твоё сердце — всё это звёздная пыль. Мы — это способ Вселенной посмотреть на саму себя».

Ты медленно опустила голову. Повернулась ко мне. В темноте я едва различал твоё лицо, но глаза — глаза светились отражённым звёздным светом.

Сверчки замолчали. Или я перестал их слышать. Существовали только мы двое и бесконечность над головами.

«Я люблю вас».

Слова упали между нами, как обломок метеорита. Тяжёлые, неотвратимые, изменившие ландшафт навсегда.

Ты не отводила взгляд. Секунда. Две. Десять. Целая вечность, спрессованная в мгновение. Потом уголок твоих губ дрогнул — не совсем улыбка, что-то более хрупкое. В этом было

всё: удивление, как будто ты услышала своё имя на незнакомом языке; страх — я видел, как дрогнули твои ресницы; и ещё что-то, для чего у меня не было слов.

Ты ничего не сказала. Только чуть кивнула — или мне показалось? — и отвернулась обратно к звёздам.

Мы стояли так долго. Может, минуту. Может, больше. Время потеряло значение.

Обратная дорога прошла в молчании. Только шуршание шин, да редкие встречные фары. В салоне пахло тобой и чуть-чуть — полевыми травами, которые прилипли к нашей обуви.

У твоего подъезда я припарковался под старой акацией. Выключил двигатель. В окнах дома горело несколько окон — кто-то не спал, жил своей жизнью, не зная, что в эту секунду мир раскалывается пополам: до и после.

Ты сидела, не двигаясь. Рука на дверной ручке, но не открываешь.

«Спасибо за вино», — наконец сказала ты. Голос хриловатый, как будто долго молчала.

«Не за вино».

«Я знаю». Ты повернулась, посмотрела на меня в упор. В полумраке подъезда я видел только блеск твоих глаз. «За звёзды. И за то, из чего мы сделаны».

Щелчок. Дверь открылась. Ночной воздух ворвался в салон. Ты вышла, но перед тем как закрыть дверь, замерла.

«Я...» — начала ты и осеклась. Покачала головой, будто отгоняя мысль. Закрыла дверь — мягко, бережно, как закрывают дверь в комнату спящего ребёнка.

Я смотрел, как ты идёшь к подъезду. Как набираешь код. Как оборачиваешься на секунду — лица не видно, только силуэт в дверном проёме. Как исчезаешь внутри.

Ещё долго я сидел там, под акацией. Мотор тикал, остывая. На пассажирском сиденье осталась вмятина от тебя. И запах — персики, ваниль, звёздная пыль.

В небе над городом почти не было видно звёзд. Но я знал — они там. Смотрят. Помнят. Ждут.

Она

Когда он сказал эти слова,

я поняла — их нельзя было произносить.

Не потому, что я не хотела,

а потому, что теперь всё стало настоящим.

Я молчала,

но в груди было то же самое слово,

только я не смогла его выпустить.

Потом, когда скажу сама,

будет уже поздно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.